

WARHAMMER
40,000

FAILURE'S REWARD

CHRIS WRAIGHT

Вознаграждение неудачи

Крис Райт

...

Многое я помню смутно. Иногда воспоминания возвращаются ко мне. Иногда, в худшие

дни, я не помню собственного имени.

Но сейчас я помню его: я Тарольф. Я был Тарольфом с тех пор, как родился и солнце светило надо мной. Не знаю, где это было. Подозреваю, что с тех пор прошло долгое время. Дольше, чем живут некоторые люди.

Когда я подумал об этом, то вспомнил про лёд. Я любил лёд. Любил то, как он трескался

и крошился, когда я бежал по нему. Я все еще могу вспомнить запах шкуры, которую носил на плечах. Я и сейчас ношу шкуру, но теперь она пахнет плесенью. Мои плечи тоже

изменились: они увеличились вдвое. Меня бы приняли за монстра, вернись я на лёд. Я

испугаю Хеля Две Кости и Ульфара, если
они увидят меня вновь.

Кто они, Две Кости и Ульфар? Я не
совсем уверен. Они должны быть мертвы.

А может

быть, они были просто снами. Я создал сон
про лег - про то, как он блеснул, когда
солнце

ярко пылало - так что, должно быть, все
это было сном.

Сейчас я смотрю на то, что делаю. Об
этом я знаю все. Я хорошо делаю свою
работу. Во

время работы я не сплю и не забываюсь, я
просто делаю. Чистота. Осторожность.
Об

этом мне напоминают жрецы, и это
помогает.

Я придаю чашевидную форму священной
детали незавершенной брони в моей
ладони.

Она тяжелая, как кусок камня, хотя в
моих огромных руках и не кажется такой.
Не помню,

из чего она сделана. У этого вещества
есть название, которое я бы сказал, но
сейчас не

могу вспомнить его. Это не сталь, не
горная порода и не каменное сердце
(Heartstone). Я

просто называю это деталью. Другие
знают, что я имею в виду.

Итак, это то, что я делаю. Использую
наковальню. Беру деталь и зажимаю ее в
тисках.

Туго затягиваю тиски, и иногда их
железные края могут оставить на детали
вмятины,

однако голыми руками ей нельзя нанести
повреждения - деталь тверже гранита.
Затем

покрываю поверхность воском, толстым
слоем, надев перчатки для защиты от
химических ожогов. На это требуется
долгое время: однажды прошло два дня,
прежде

чем удалось достигь безупречного
результата. Когда поверхность

становится ровной, я

любуюсь ей в свете костра. Она гладкая, как кожа -- не моя, но как кожа девушки, по крайней мере, той, которую я помню.

Затем я беру штифт и работаю. Работаю осторожно. Это занимает недели, иногда

месяцы. Я никогда не знаю этого наверняка, поскольку погружен в работу, и не могу

увидеть здесь стену дня и ночи -- только огонь, жар и людей, которые приходят и уходят.

Они никогда не смотрят на меня, даже когда приносят новую деталь или забирают уже

завершенную. Я тоже не уделяю им особого внимания, просто получая удовольствие от своей работы.

Я беру золото, острое, как рыболовный крючок. Если оно соскользнет, то сдерет кожу,

даже мою. Я наклоняюсь ниже, опустив глаза так низко, как только могу,

постукивая по

воску. Стук, стук, стук. Этот звук приятен. Он напоминает о том, что я делаю, и я никогда

не вспоминаю про лед или про солнце, когда работаю.

Пройдут месяцы, прежде чем все будет сделано. Если я совершаю ошибку, то начинаю

все заново. Готовая деталь не должна содержать ошибок: всего одна, даже самая маленькая, сделает магию бессильной. Однажды мне пришлось начинать все сначала,

вернув деталь обратно в сердце кузницы, жрецам в глубине горы. Они избили меня за это,

но я чувствовал, что поступил верно, даже когда кровь стекала по моей спине.

Если бы я не потерпел неудачу и стал тем, кем мечтал стать, то не захотел бы носить

броню, которая содержала ошибку. Я думаю о тех, кто добился успеха, и мне

хочется,

чтобы эта броня была лучшей, пусть даже
я сам не смогу носить ее, как хотел долгое
время.

Так что я работаю с воском, создавая
священные рисунки, я вычерчиваю древние
линии,

кривые и узлы. Рисую змеев, головы волков
и крылья драконов. Но я не изображаю руны

только жрецы могут делать их, связывая
могущественной магией. Мне бы хотелось
увидеть, как они создают руны, как их
контуры горят на броне, хотя я и знаю,
что это

является секретом.

Когда фигуры воплощены в воске, я беру
кислоту. Я приношу ее в тигле и поливаю
ей

деталь в тисках. При обжиге она шипит
подобно змее. Я должен быть осторожен:

слишком много - и деталь будет
испорчена; слишком мало - и некоторые
места будут

пропущены. Я должен спешить, стерев кислоту прежде, чем она въестся в наковальню и

сделает железо непрочным.

Однажды я пролил кислоту на руку. Она жгла сквозь перчатку. На моей левой руке осталось только три пальца, к счастью, я вырезаю фигуры правой, и потому смог служить

дальше. Теперь я стал осторожнее, чем раньше. Это был хороший урок.

Когда кислота заканчивается, я разжимаю тиски и обламываю воск с поверхности детали.

Я полирую поверхность стальной щеткой и промываю водой, лью на нее масло, наблюдая, как оно стекает по сделанным мною узорам.

Иногда я просто поднимаю деталь, поворачивая ее в отблесках огня, глядя на то, что я

сделал. Я знаю, что в этот момент вижу свою работу в последний раз, и иногда эта мысль

вызывает боль в желудке.

Я беру ткань и тщательно заворачиваю деталь. Затем иду к жрецу и встаю на колени,

склонив голову и предлагая свою работу. Он осматривает ее, иногда делая это в течение

часа. Иногда отправляет меня обратно, хотя в большинстве случаев забирает деталь.

Это наполняет меня гордостью. Если я трудился долгое время, он обычно принимает мою

работу. Я продолжаю приносить пользу, и от осознания этого тошнота проходит.

Когда я ожидал в последний раз, то увидел, как они крепят сделанную мной деталь.

Единственный раз я стал свидетелем того, как это происходит. Детали крепились на теле

Небесного Воина с огненно-рыжими волосами и гладкой кожей. Тот носил остальные

части доспеха, они были новыми и не имели отлечин. Только часть, сделанная из латуни,

осталась неустановленной. Жрец взял ее, и рабы-техники прикрепили ее и установили на

колени, между большими пластинами на левой ноге. Теперь доспех стал завершенным.

Я должен был уйти. Я знал что должен, но оставался там еще некоторое время. Я увидел

Небесного Воина, стоящего там, и мои мысли вновь вернулись к тому, как я проходил

испытания, и как близок был к успеху. Я вспомнил, как они сделали мое тело сильнее.

Вспомнил, как больно было, когда я потерпел неудачу, и как я думал что умру. Это вновь

вызвало боль в желудке. Вспомнил, как хотел умереть и как желал, чтобы они позволили

мне это.

Но затем Небесный Воин посмотрел на меня, и увидел, что это я сделал деталь. Он

кивнул, всего один раз, а затем отвернулся от меня, и они продолжили снаряжать доспех.

Жрец заметил, что я стою там, и я ушел. Они вернули меня в кузницу, вернули меня к

наковальне и дали мне новую деталь для работы, еще одну деталь без отметок на ней.

И сейчас я смотрю на то, что делаю. Об этом я знаю все. Я хорошо делаю свою работу.

Во время работы я не сплю и не забываюсь, я просто делаю. Чистота. Осторожность. Об

этом мне напоминают жрецы, и это помогает.

Я все еще ощущаю боль, время от времени. Иногда я не сплю или вспоминаю о вещах, которые не хочу помнить.

Но есть один сон, который я люблю. Я вижу Небесных Воинов в море звезд. Вижу, как они

сражаются, одетые в свою броню. На некоторых деталях имеются знаки, оставленные

мной. Как и все, что они носят, знаки безупречны. Тысячи подобных мне работают в

кузнях, вырезая и мастера. Небесные Воины не знают об этом, но они и не должны знать.

Достаточно того, что они служат.

Когда я просыпаюсь ото сна, я доволен. Я все еще полню, что однажды потерпел неудачу, но полню и о том, что все еще могу служить дальше. Это награда: я все еще
служу.

Я не полню, как долго я нахожусь здесь, среди мрака и отблесков пламени. И не знаю,

сколько еще буду оставаться. Возможно, всегда. Возможно, до тех пор, пока не

настанет

конец света.

Многое я потню слутно. Я Тарольф, и
когда-то я любил лег.

Я хотел бы, чтобы я мог сражаться. Это
мой сон.

Но это -- долг Небесных Воинов, а мой долг
-- помогать им. Иногда мне достаточно
просто

чувствовать это

...